

сказания неблагоприятны, следует уклониться от сражения и постараться умиловить богов новыми жертвами¹⁴. Помимо внутренностей животных, судьбу предстоящего сражения может предопределить и расположение небесных светил¹⁵.

Подчеркнутая религиозность Онасандра не осталась незамеченной в историографии. Однако она не идет ни в какое сравнение с ортодоксальностью Маврикия. В то время как для Онасандра религия есть лишь дополнение к его платоническим философским концепциям, ортодоксальный конфессионализм Маврикия служит основой всего его мировоззрения, всего понимания им мирового порядка вещей.

Осуществление своих функций главнокомандующего стратиг должен начать с решения вопроса принципиальной важности: надлежит прежде всего убедиться самому в неизбежности войны и доказать всем справедливость причин, побуждающих ее начать. Особая глава в трактате Онасандра впервые в военно-теоретической литературе подробно обосновывает этот тезис, ставший впоследствии важнейшим составным звеном византийской военной доктрины¹⁶.

Справедливая причина войны, указывает Онасандр, — единственное средство обратить на себя божественное благоволение. Люди, преисполненные уверенности в заступничестве богов, спокойнее перенесут военные тяготы; напротив, те, кто не уверен в справедливости своих действий, будут усматривать в военных неудачах карающий перст разгневанного божества. Вначале надобно употребить все усилия, чтобы путем переговоров добиться удовлетворения законных требований к неприятелю, одновременно доказывая необоснованность его собственных претензий. Если же не удастся разрешить конфликт мирным путем, тогда, призвав бога в свидетели правоты своих намерений, следует открыто и ясно заявить, что война становится неизбежной, и ответственность за нее возложить на противоположную сторону.

Решившись на войну, продолжает Онасандр, нужно подойти к ее подготовке со всей основательностью и серьезностью — здесь стратиг должен уподобиться опытному зодчему, который не станет возводить здание, не позаботившись о прочности фундамента, и искусному мореплавателю, который не рискнет отплыть из гавани, не употребив все средства на укрепление корабля. Начав войну, отступать уже нельзя — неуверенность и колебания стратига уронят его в глазах доброжелателей и вызовут презрение к нему со стороны врагов.

В нескольких местах Онасандр упоминает о дипломатическом обеспечении военных кампаний. Не исключена возможность личных встреч между командующими воюющих армий. В этом случае стратигу рекомендуется иметь при себе блестящую свиту, составленную из отборных командиров и воинов, физически крепких, мужественных, великолепно вооруженных, — что должно, по мнению автора, произвести устрашающее впечатление на врага¹⁷. Заклучив перемирие, следует тщательно обезопасить себя от возможных вражеских козней, особенно если речь идет о народе, обычаи которого неизвестны. Самому же нужно проявлять максимум благоразумия, пунктуально соблюдать условия перемирия, не допуская никаких, даже самых малейших, их нарушений.

Фактически здесь действует тот же принцип «справедливой войны», который ранее был обоснован Онасандром для мирного периода, а в данном случае скорректирован применительно к обстановке временного перемирия¹⁸.

Все эти идеи Онасандра известны Маврикию и в принципе им разделяются. Содержание IV главы «Стратегикоса» сведено Маврикием к че-

¹⁴ Ibid., X, 25—27, p. 428.

¹⁵ Ibid., X, 28, p. 428—430.

¹⁶ Ibid., IV, 1—6, p. 390—392.

¹⁷ Ibid., X, 14, p. 418—420.

¹⁸ Ibid., XXXVII, 1—5, p. 492—494.